

ТИПОЛОГИЯ ОЧЕРКОВЫХ ЗАПИСЕЙ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

О. С. Тополова

Со второй половины XVIII в. значительно возрастает количество путевых дневников, что связано с влиянием на литературу путешествий мемуарно-автобиографической прозы, в рамках которой дневник стал своеобразным средством, с одной стороны, фиксации ежедневных событий, а с другой — самопознания автора. Как отмечала Н. Д. Кочеткова, дневник, образующий «ключевую точку всей сферы автобиографического», превращается из строго документального жанра в жанр, порой неотделимый от психологического этюда, который может войти и в письмо, и в мемуары, и в собственно художественное произведение¹.

В структурной организации основу путевых дневников составляют разновидности жанра документального очерка: пространственно-топографический, торгово-экономический, этнографический, бытовой и т.д. *Географо-топографический тип очерка* традиционно включает указания на названия географических объектов, расстояния между ними, специфику их расположения в пространстве, особенности рельефа местности и климатических условий, т. е. содержит сведения, создающие документальную основу произведений, что в данном случае является жанровой необходимостью. Так, в «Дневнике 1779–1786 гг.» А. У. Болотникова, Н. Я. Озерецковского описание Ярославля может служить примером научной географической справки: «Город Ярославль лежит на весьма выгодном месте, ибо оно высоко и окружено с одной стороны Волгою, с другой Которостью, которая в Волгу впадает. Он заключает в себе довольно число монастырей и каменных церквей, которые более внутри, нежели снаружи, украшены. Жителей в нем, считая с принадлежащим к нему уездом, до 66 000 обоюго пола, а во всем наместничестве до 740 000 человек, в котором числе большую половину считают женщин. Доходов же с всего наместничества до 900 000»².

Во второй половине XVIII в. географо-топографический тип очерка характеризуется введением новых объектов изображения, что расширяет познавательные рамки текстов. Путешественники описывают не только памятники культуры светского или религиозного значения, но и библиотеки, театры, ярмарки, дома частных лиц. К примеру, большое впечатление произвела на братьев Демидовых Бодлеанская библиотека, насчитывавшая «премножество манускриптов» и «музеум асмолеанум», на стенах которого были развешаны китайские и турецкие вещи и предметы быта, чучело крокодила и другие «сушонные звери»³, а также замок Херлебрук, являющийся местом отдыха представителей привилегированных сословий: «Строение сего замка не очень великолепное, — писал в своём журнале Пётр Демидов, — кроме саду, ибо он велик, хорош и украшен изрядными шпалерами и другими вещами, кои красу его преумножают. Несколько прудов наполнены изрядною водою и в коих множество разных сортов рыб питается. Несколько ста-

туев и грот, из коих особенно в одном покое своды, так и стены, казались якобы сего часу разрушиться хотели, ибо местами, где торчат брусья и бревны совсем гнили и разломались, равномерно же и кирпичи и промежду оными замазка отпала, а местами еще зачинается отлепляться и иные кирпичи и замазка уже висят, будто отпасть хотели»⁴. При этом входящие в географо-топографический очерк элементы природных, этнографических, торгово-экономических и других описаний увеличиваются в объёме, насыщаются семантически.

Широко и многопланово представлены в путевых дневниках *природные зарисовки*. В первой половине XVIII в. в литературе путешествий сформировался прагматичный подход к природе: для писателей-путешественников Петровской эпохи природа стала лабораторией, где они проводили естественнонаучные опыты. В этот же период в светских путевых записках расширяет свою сферу действия эстетический подход к восприятию природы, который получил дальнейшее развитие во второй половине столетия.

В общем русле эстетического отношения к природе складывалась и преобразовательная деятельность человека — создание регулярных садов, композиций фонтанов, дворцово-парковых ансамблей. С целью описания природы писатели-путешественники начинают использовать в произведениях разнофункциональные художественные средства выразительности: сравнения и метафоры («*Природа в разнообразных своих видах безпрестано заставляла заниматься в прелестных ея красках. Дикие виноградные лозы, растущия в великом количестве в лесах, извиваются до самой вершины высоких деревьев и обратно вниз к другому дереву, опускаясь, переплетают в разныя стороны и весьма тесно многия деревья и представляется виду наподобие растянутой мелкой и обширной в лесу сети*»⁵); метафорические эпитеты («Отсюда <...> открылась нам гладкая и прекрасная долина, *пожиряющая многие города, села, замки, реки, поля и луга*. Пространство ея так велико, что глаз наш не нашел во что упереться»⁶).

Данные примеры хорошо показывают, каким образом в путевых дневниках сочетается прагматичное и эстетическое восприятие природы. С одной стороны, авторы в пейзажных картинах передавали красоту природы: «Вместо неровных, неплодных и лесом покрытых мест, открылось пространное, хотя и высокое место, но довольно ровное, покрытое сенокосами и пашнями, на которых разсеяно было великое множество как сенных, так и хлебных скирд»⁷. С другой стороны, пейзаж получает социальную окраску. Экономическое благополучие многих городов и сёл, их жителей, по мнению просветителей, зависит от природных условий в данных местностях. Поэтому, характеризуя города или деревни, путешественники описывали природные особенности, окружающие их: «Лежащей к южной стороне касгор покрыт огородами, заключающими в себе множество плодовых деревьев, как-то яблынь, вишневых, грушевых, сливных и прочих деревьев. Река Сяга течёт по другую сторону города в параллель Волге и имеет совсем противное сей реке течение»⁸. Так на основе рационалистического взгляда на действительность ведётся поиск гармоничного соотношения мира природы и человека.

Большее внимание писатели уделяют *этнографическим и бытоописательным очеркам*. Рассказывая о городе или селе, автор-путешественник XVIII в. стремится обратить внимание на социально-экономическое положение жителей, их традиции, нравы. В этом плане особенно богат сведениями «Дневник» А. У. Болотникова и Н. Я. Озерецковского. Будучи учёным, талантливым исследователем, Н. Я. Озерецковский с присущей ему научной скрупулёзностью подробно описывает нравы народов, проживающих на территории России, которые он встречал во время путешествия. Например, в Туле, по его мнению, «большая часть купцов и фабричных сего города очень корыстобивы и для того не стыдятся просить за вещь втрое больше, нежели она в самом деле стоит. Как климат сего места весьма хорошей, то все почти жители онаго крепки и здоровы. Сие наиболее примечается в фабришных, которые как дородством, так и свежестью лица своего от прочих отличаются»⁹.

В Ярославле «народ вообще здоров, ростом крупен, кроток и весьма послушен, что происходит от того, что приучены еще слепо повиноваться воле начальствующих, хотя потихоньку на их ропщут»¹⁰. Рассказывая о Костроме, путешественник отмечает, что в этом городе есть «особенный род крестьян, которые именуются белопашцами», так как были освобождены от податей царём Михаилом Фёдоровичем Романовым. В Нижнем Новгороде все жители «наилутчаго нрава, какова можно только желать в народе. Любят гостоприимство, трудолюбивы, услужливы, кроткаго нрава, любят другим вспооществовать и по малому просвещению слепо всему почти повинуются так, что можно ко всему их обратиться, не касаясь только до их верования»¹¹.

Порой писатели-путешественники давали яркие и категорично резкие оценки нравам и порядкам, царившим в Российской империи. Таково, например, описание жизни в Костромском наместничестве, типичной для тогдашней России: «Все делается в сем наместничестве помощью денег, — писал Н. Я. Озерецковский. — Чин ли достать, место ль получить, надобно удовлетворить корыстолюбие начальствующих, богатый пред бедным всегда прав останется. О, Боже мой! Сии ли были намерении великой нашей Государыни в учреждении наместничеств, чтобы поданные ея стали под игом тех, кои ими правят!»¹² Большое впечатление на А. Бобринского произвело посещение казанской мечети. «Татары молятся так прилично, — писал он, — что следовало бы и во всех других [православных] храмах брать с них пример»¹³. Удивляло его и то, что русский мужик отдаёт в заём деньги другому без всяких письменных обязательств или свидетелей и никогда не отказывается от долга.

Со второй половины XVIII в. в путевых дневниках значительно возрастает публицистическое начало, так как в этот период русская литература начинает впитывать традиции западной просветительской журналистики. По инициативе императрицы стали выходить еженедельные периодические листки «Всякая всячина», а вскоре и другие журналы: «И то и сию» М. Д. Чулкова, «Ни то, ни сё» В. Г. Рубана, «Смесь» В. Сичкарева, «Трутень» и «Живописец» Н. И. Новикова и т.д. Публицистический жанр становится одним из средств распространения просветительских идей в России. Литература путешествия, изначально возникшая как художественно-документальный жанр, сохраняя свои традиционные жанровые черты, давала

возможность писателю включать в текст *элементы публицистического жанра*, позволяющего рассуждать об устройстве общества.

Центральными проблемами, освещёнными в русских изданиях и частично в путевых дневниках, являлись: произвол местных властей, крестьянский вопрос, развитие Европы и России. Н. Я. Озерцовский в «Дневнике» отразил бесчинства местных властей, которые приводили к угнетению населения или нарушению законов. Автор дневника с негодованием и пафосом, характерным для публицистических произведений, обличает жёсткость по отношению к крестьянам. Так, в Ростове он увидел хижину, «при которой находился часовой и которую по сей причине почитал магазином, услышал милостыню просящих людей». На вопрос путешественника, за какие поступки арестовали их, часовой рассказал, что они «содержутся под стражею для того, что некоторые на них доносы в суд еще не исследованы». Пищу себе эти люди должны были доставлять прошением милости и подаванием у прохожих. Однако сами содержащиеся под стражей поведали истинную причину их ареста: «...один заключен потому, что один господин хотел его себе упрепить, а как он принадлежал какому-то монастырю и дан сему господину в малолетстве только для перем по услужение, то опять обратно хотел войти в монастырь, но господин ему в том воспрепятствовал, показывал на него, что он его крепостной, посему и содержится уже более четырех недель в кандалах, не видя делу своему никакого еще конца»¹⁴. Описывая этот случай, автор дневника видит вину в неправильном исполнении местных властей законов: «Вот как может больший угнетать малейшаго! Исполняют ли волю монаршею те, коим поручено правление, заключая сих несчастных в железы и лишая их пищи под видом одного подозрение, не имея к тому точнаго еще доказательства. Коль ми же паче оскорбляют они человечество и делаются достойными праведнаго наказания, что преступили законы, когда сии бедняки найдутся в суде оправданными»¹⁵.

Достаточно часто в дневниковой прозе второй половины XVIII в. акцентируется внимание на том, что главный аспект проблемы крепостного права — это неприятие его как основы государственного устройства России с точки зрения правового сознания, руководствующегося просветительской концепцией естественного права, согласно которой каждый человек имеет право на жизнь и средства для поддержания жизни. Граф А. В. Салтыков в «Записках путешественника в Сарепту», описывая быт и состояние русских деревень и провинциальных городов, отмечает низкий уровень культуры и жизни простого народа. В деревне Санпуры путешественники не могли найти пристанища на ночь, так как дома этой деревни бедны: «...ужинали в безобразных, тесных и грязных сенях»¹⁶. Чем дальше в южные степи углублялись путешественники, тем чётче вырисовывался контраст: богатая природа, поля, изобильные хлебом и арбузами, пышно растущие рощи, но при этом нищие дома и квартиры: «...обедали в деревне Шинках, где не нашли даже одного сарая, где бы остановиться; одевались по свиным хлевам. Трудно поверить, чтоб люди могли жить таким покровом, как тамошние избы, хотя многие из крестьян богаты скотом и хлебом, имеют до 100 лошадей и до 500 овец!»¹⁷ Причиной такой нищеты, указано графом, является крепостное право, согласно которому крестьяне

либо платили оброк помещику, либо работали на него — благополучие крестьян зависело от характера помещика и от количества облагаемых им податей. Салтыков отметил в путевом дневнике, что не видел в путешествии лучшей деревни, чем в 38 верстах от Тамбова (названия не указывает). Это поселение поразило графа богатством как помещика, так и его крепостных. Причиной этого стало то, что помещик уволил их от податей на 10 лет: «Дом преогромной, превосходной архитектуры. Целые улицы каменных домов, где живут мастеровые, почти все чужестранные также много живущих иностранных художников; манеж, конюшни и все строение каменное. Мы ходили с Княгининой по всем службам; были в конюшне, на поварне и в людских покоях. Везде такая ж чистота и порядок, как у господина во внутренних комнатах»¹⁸.

Не только экономическое состояние земель России не соответствует европейскому уровню, Салтыков отмечает, что в государстве продолжают своё существование варварские бытовые традиции. Так, он узнал, что в Сарепте старшины назначают жениха невесте, и «по их приговору, каков бы он ни был, уже непременно должно приступить к браку». Он передаёт одну историю такой женитьбы: «При нас случилось, что один здешний житель был по братским нуждам в Петербурге; старшины, не дав ему знать, в отсутствие помолвили его, и три раза провозгласили о свадьбе его в церкви. Он через неделю возвратился, и крайне был удивлен, сведав, что он почти женат»¹⁹.

В ряде путевых дневников появляются портретные описания современников, которые содержат не только описание внешности, но и черт характера. Яркими примерами тому являются «Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии» В. Н. Зиновьева и «Воспоминания о путешествии в Голландию и Англию» А. Б. Куракина. Так, А. Б. Куракин подробно описывает внешность девушки, привлёкшей его внимание: «Белое личико с розовым румянцем выдавало невинный пятнадцатилетний возраст, черные как смоль брови подчеркивали ее оживленно-кроткий взгляд, чуть вздернутый носик и лукавая улыбка окончательно делали ее хорошенькое личико незабываемым. Роста она была невысокого, но стройная и хрупкая»²⁰. В. Н. Зиновьев создаёт портрет герцога Вольфенбюттельского как умного и талантливого полководца, но при этом очень эмоционального и вспыльчивого: «Он человек весьма умный, знающий и, как известно, великий полководец и таковым от известного ситается, горяч, так, что забывается, ибо, представь себе, что одного солдата, на улице, сам палкой бил, за то, что он в новом мундире кушанье к офицеру нес, а в новых мундирах запрещено строго казаться было»²¹. Эмоциональная выразительность фактического материала, авторская активность по отношению к изображаемой действительности способствуют созданию в путевых дневниках реальности художественного порядка, усилению её функциональной нагрузки в произведении.

Таким образом, жанр путевого дневника позволял включать в содержание самый разнородный материал, который в тексте был оформлен в виде очерков, что позволяло автору не только рассказать об увиденном, но и выразить мировоззрение, свои позиции и мысли. Это в свою очередь стало главным посылом активного развития данного жанра в XIX в.

-
- ¹ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. С. 224.
- ² Болотников А. У., Озерецковский Н. Я. Дневник. 1779–1786 / сост. С. А. Козлов. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. Т. 1. С. 293.
- ³ Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные журналы 1750–1761 гг. // подг. текста Г. А. Победимовой и С. Н. Искуля. М.: Индрик, 2006. С. 344.
- ⁴ Там же. С. 65–66.
- ⁵ Болотников А. У., Озерецковский Н. Я. Дневник. 1779–1786. С. 333.
- ⁶ Дневник путешествия неустановленного лица по немецким землям. 1786 г. / сост. С. А. Козлов. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. Т. 1. С. 449.
- ⁷ Болотников А. У., Озерецковский Н. Я. Дневник. 1779–1786. С. 317.
- ⁸ Там же. С. 322.
- ⁹ Там же. С. 287.
- ¹⁰ Там же. С. 295.
- ¹¹ Там же. С. 298.
- ¹² Там же. С. 297.
- ¹³ Там же. С. 303.
- ¹⁴ Там же. С. 292.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Салтыков А. В. Записки путешественника в Сарепту // Памятник отечественных муз. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1897. С. 68.
- ¹⁷ Там же. С. 75.
- ¹⁸ Там же. С. 60.
- ¹⁹ Там же. С. 73.
- ²⁰ Куракин А. Б. Воспоминания о путешествии в Голландию и Англию // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века / под ред. Е. Н. Лебедева. М.: Наследие, 2008. Вып. 3. С. 257.
- ²¹ Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века / под ред. Е. Н. Лебедева. М.: Наследие, 2008. Вып. 3. С. 347.